

Михаил Державин и Анатолий Ширвиндт: им нельзя друг без друга

Михаил ДЕРЖАВИН:

Материально я завишу от Ширвиндта

Известия - 2007 - 16 июня - с. 10.

Михаилу Державину вчера исполнилось 65 лет. Он был визитной карточкой «Кабачка», теперь стал олицетворением Театра Сатиры, но в то, что Державину за шестьдесят, поверить трудно. Не убеждают даже возрастные роли — и юмор чересчур живой, и интонации юного и обаятельного пана Ведущего до сих пор на слуху. Но факт остается фактом — Театр Сатиры готовится отметить его юбилей. Корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИППОВ, встретившись с артистом, рассказал ему о том, что журналисту стареть страшно.

— У нас жестокая профессия: человек набирает возраст, а в его спину дышат молодые... А каково актеру?

— После того как ушел Георгий Павлович Менглет, мы обнаружили, что в Театре Сатиры нет актера, который мог бы заменить его в спектакле «Бешеные деньги». Любая пьеса построена так, что в ней есть и трагика, и комик, и молодые, и старые герои... Женщинам хуже — с ролей пионерок трудно перейти на старушек. Хотя Софья Владимировна Гиацинтова играла Митиль в «Синей птице», а потом — маму Ленина... В репертуаре много возрастных ролей: ты лысешь, толстеешь, и из Ромео превращаешься в Фальстафа.

— Театр Сатиры построен прочно, популярность у него большая. Но держится она на памяти о том, что было двадцать лет назад, на «Кабачке». Это — театр любимых зрителями, но немолодых актеров...

— У нас есть хорошая молодежь, спектакли с ее участием пользуются успехом. А имена молодых актеров Театра Сатиры широкой публике неизвестны — но ведь так происходит везде. Журналы печатают рейтинги, называют самых популярных актеров из ныне ведущих, и ими оказываются «менты»...

— А когда вы были молоды и работали паном Ведущим, маститые артисты, готовящиеся от-

метить юбилей, не говорили печально: вот я слушаю зрительские разговоры и слышу ничего мне не говорящую фамилию Державин?

— Вполне возможно. И я не ною из-за того, что это ушло. Популярность артистов «Кабачка» была сравнима с известностью первых космонавтов, со славой таких актеров, как Олейников и Крючков: «Кабачок» смотрели всей семьей, всем домом. Но тогда зрители сопоставляли фамилию и роль, а теперь я узнаю актера в лицо, но не могу сказать, как его зовут.

— Я знаю, что вы с Александром Анатольевичем Ширвиндтом все время в разъездах...

— С назначением Александра Анатольевича на пост художественного руководителя Театра Сатиры наша концертная деятельность резко оборвалась.

— Да, это беда!

— Конечно, беда. Материально я дико завишу от дел Александра Анатольевича, а его автомобиль стоит перед Театром Сатиры с половины десятого утра до позднего вечера.

Сейчас наш театр заканчивает работу над пьесой Жана Ануя «Орнифль, или Сквозной ветерок». Ставит Сергей Арцыбашев, я играю Маштю, друга главного героя, а самого Орнифля — Александр Анатольевич.

О следующей работе со мной говорил Эльдар Александрович

Рязанов. Он будет ставить в Театре Сатиры спектакль по одному из своих старых сценариев — в свое время по нему вышел фильм «О бедном гусаре замолвите слово». Это будет мюзикл с чудесной музыкой Андрея Петрова, а мне Эльдар Александрович предложил сыграть ту же роль, что в кино играл Евгений Павлович Леонов. В конце сентября, если будем живы-здоровы, начнем работать над этим спектаклем... А концертная деятельность, увы, подождет.

Об этом можно только пожалеть — мы с Александром Анатольевичем любим ее и умеем ею заниматься. Однажды она нас даже до цирка довела. Как-то в советские времена нас пригласили на концерты в город Краснодар, во Дворец профсоюзов. Мы прилетаем, нас встречает администратор: Александр Анатольевич, Михал Михалыч, вы нас, пожалуйста, извините, но во Дворце профсоюзов обвалился потолок. Зато свободно помещение цирка...

Шура Ширвиндт важно говорит: «Я сейчас улетаю! Мы драматические артисты, зрители не могут сидеть у нас за спиной!»

Но администратор, которого все звали «Куштуйте» («Угощайтесь»), с мягким южным говором сказал: «Та подоштите. Вам же понравится. Выступайте». И Александр Анатольевич согласился.

Мы выходим в смокингах на арену со своей концертной программой, а животные, которые здесь выступали раньше, находятся за сценой — в цирке, куда они должны были переехать, случился пожар. В стойлах стоят слоны, по вольерам бродят тигры, в ложе сидит секретарь Краснодарского горкома товарищ

Полозков, в первых рядах партера — подозрительно рассматривающие нас журналисты.

Мы вышли, поклонились, сказали, что нам не привыкать выступать в цирке — в былые времена конный цирк размещался в Театре Сатиры... Александр Анатольевич остался играть свой номер, а я ушел за кулисы, и в эту минуту страшно заорал слон. И я слышу, как Ширвиндт говорит в микрофон: «Державин отнял у голодного слона морковку...» После этих слов зрительный зал был наш.

— Судя по всему, Александр Анатольевич — руководящая и направляющая сила вашей пары...

— Началось все с Арбата, с Собачьей площадки, которой сейчас нет, с нашего вахтанговского дома: Шурику было тринадцать лет, мне одиннадцать, и он приходил к нам на елки. Дружили и наши родители, в театральное училище я поступил на два года позже него... И всегда он был для меня старшим. Вроде бы сейчас разница в возрасте исчезла, но я все равно это ощущаю.

Раньше он был для меня главным режиссером нашего дуга, а я у него главным артистом (и еще — секретарем парторганизации). А теперь Шура стал еще и худруком нашего театра.

— Вы всегда казались мне счастливым человеком, и секрет этого, на мой взгляд, не в обстоятельствах жизни, а в том, как вы к ней относитесь. Вы счастливы потому, что не позволяете себе быть несчастным. Так это или не так?

— Я стараюсь. Когда я жалуясь, что постарел и мне тяжело прыгать на репетициях, моя жена Роксана Бабаян говорит: не гневи Бога.